

ДНЕВНИКЪ ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА,
служившаго на Квантунскомъ полуостровѣ съ 27 марта по 25 декабря 1904 г.

Позиція Цзинь-джоу. Крѣпость Портъ-Артуръ. Отъѣздъ въ Россію.

По моему личному взгляду писаніе дневника среди такихъ особыхъ условій, какъ война, когда являешься участникомъ, свидѣтелемъ многого такого, что при обыкновенныхъ мирныхъ условіяхъ нельзя видѣть и слышать, — составляетъ великое личное утѣшеніе. Онъ (дневникъ) замѣняетъ вѣрнаго друга, съ которымъ свободно бесѣдуешь о самыхъ сокровенныхъ

событіяхъ и вещахъ. Послѣ, когда снова войдешь въ нормальныя условія жизни, впечатлѣнія, какъ бы сильны онѣ не были, сглаживаются, а кое-что и совсѣмъ забывается, но стоитъ только заглянуть на странички своего дневника, все снова воскресаетъ въ памяти, снова переживаешь, что пережилъ, снова все является новымъ и интереснымъ. Если бы напечатать его въ полномъ объемѣ, читатель могъ бы видѣть, могъ бы пережить всю полноту впечатлѣнія также, какъ пережилъ самъ авторъ, но сообразуясь съ программой уважаемаго журнала «Вѣстника Военнаго Духовенства», я предлагаю вниманію читателя журналу замѣтки о жизни русскаго воина и дѣятельности военнаго духовенства за означенный періодъ времени. За литературныя недочеты прошу снисхожденія, потому что это не есть какое либо цѣльное литературное произведеніе, а дневникъ, писанный при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни.

27 марта. Странныя суббота. Теплое, весеннее утро, солнце какъ то особенно ярко свѣтило послѣ нѣсколькихъ пасмурныхъ и дождливыхъ дней. Оно какъ будто бы считало себя виноватымъ и свою вину старалось загладить лаской и нѣгой. Съ горъ серебристыми змѣйками текли ручейки, шумѣли, перегоняли другъ друга, пока всѣ не вливались въ одинъ бурный потокъ, проложившій себѣ дорогу по западной сторонѣ желѣзной дороги. Послѣ ночной грозы и дождя воздухъ былъ чистый, дышалось легко. Для полной гармоніи не доставало одной только зелени, кругомъ голыя, каменистыя горы, а между ними тѣ же камни и глина.

Свистокъ паровоза, мы подъѣзжали къ станціи Дашичау. 11 часовъ, станція порядочная, поѣздъ стоитъ 20 мин.; можно, кажется, и пообѣдать, сказалъ электротехникъ Р., обращаясь ко мнѣ.—Я согласился на его предложеніе, и мы вышли изъ вагона. На запасномъ пути стояли еще два воинскихъ поѣзда, одинъ изъ нихъ направлялся въ Инкоу, а другой везъ баталіонъ нижнихъ чиновъ въ Артуръ. На платформѣ сплошная стѣна народу, все суетилось, шумѣло, бранилось... Въ буфетѣ II класса, онъ же буфетъ и III класса, мы едва нашли свободное мѣсто, чтобы сѣсть пообѣдать. По привычкѣ, пріобрѣтенной въ продолженіе четырехънедѣльнаго непрерывнаго путешествія по желѣзной дорогѣ, мы стали поспѣшно кончать обѣдъ, какъ въ залу вошелъ комендантъ станціи и объявилъ, что вчерашнимъ дождемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзнодорожный путь поврежденъ, а потому всѣ поѣзда, идущіе въ Артуръ, будутъ задержаны. «Какъ долго это затянется, навѣрно сказать не могу, но предполагаю, что для приведенія пути въ порядокъ потребуется отъ 3 до 5 сутокъ», сказалъ онъ.

Для меня эта новость была весьма неприятна во 1-хъ, потому, что я не могъ прѣхать на позицію къ 1-му дню праздника Пасхи, чтобы совершить тамъ Богослуженіе и тѣмъ самимъ доставить духовное утѣшеніе своей новой паствѣ, а во 2 хъ—деньги, взятыя съ собою, уже истощились, а между тѣмъ намъ предстояло жить на станціи; скопленіе народа дало поводъ буфетчику повисить и безъ того высокія цѣны. — Передъ вечеромъ узналъ, что въ казармѣ 1-го стрѣлковаго полка будетъ совершена пасхальная утренняя и литургія; хотѣлось выслушать пасхальное Богослуженіе. Казарма эта отъ станціи желѣзной дороги была на разстояніи почти 3 версты, изъ которыхъ не менѣе одной трети нужно было идти по самой страшной грязи. Въ 10 час. вечера я пошелъ въ сообществѣ съ другими пассажирами. Темно, грязно, пришлось переходить черезъ ручей, а въ общемъ мы пришли въ казарму по колѣно въ грязи. Къ началу Богослуженія собрались военные начальники, офицеры, которые заняли мѣста впереди, и все остальное мѣсто казармы—нижніе чины; стояли такую сплошною массою, что не было возможности даже перекреститься. Непривычному глазу странно было видѣть вмѣсто храма простую казарму (баракъ или вѣрнѣе сарай), въ переднемъ углу которой стоялъ подвижной престолъ, на немъ св. антиминсъ, крестъ и евангеліе; съ лѣвой стороны столикъ для совершенія проскомидіи, на которомъ стояли священные сосуды и пять черныхъ хлѣбовъ. Думаю, что при данныхъ условіяхъ еще было возможно приготовить просфоры изъ хорошей, чистой, пшеничной муки. Другое, что для меня показалось страннымъ—это дороговизна свѣчей; за пятикопеечную свѣчу мы платили по 50 коп.. Для людей болѣе состоятельныхъ—это пустяки, но для простого солдата это было дорого.

Съ батюшкой мнѣ не пришлось познакомиться; говорили, что это отецъ іеромонахъ изъ Харбина, командированный сюда временно. — Кончилось Богослуженіе, горячо, усердно помолившись, люди стали расходиться по своимъ мѣстамъ. Мы пришли въ вагонъ. Чѣмъ же разговѣться, спрашивали мы другъ друга? Лично у насъ запасовъ съѣстнаго не было, надѣялись купить въ буфетѣ, но къ нашему великому огорченію и здѣсь ничего не нашли; не только кулича, но не нашлось даже простого куска хлѣба, все было съѣдено. Случайно въ корзинкѣ у одного изъ офицеровъ оказался кусокъ чернаго, черстваго хлѣба, который мы разрѣзали и этимъ разговѣлись... Вдали отъ родныхъ, при такой обстановкѣ вспомнилъ я тихій семейный очагъ, всё удобства и блага мирной жизни, всгрустнулось и невольно одна—другая слеза скатилась съ глазъ...

На другой день въ мое купэ зашелъ телеграфный механикъ и любезно предложилъ мнѣ зайти къ нему на квартиру откушать пасхальнаго хлѣба и соли. Мое предположеніе о томъ, что на далекой окраинѣ не знаютъ заповѣди—«принять и накормить странника», не оправдалось.— Въ этотъ день я осмотрѣлъ Дашичау. Четыре десятка казенныхъ домовъ, а вдали отъ нихъ десятка полтора китайскихъ фанзъ, вотъ и весь городокъ, какъ его здѣсь величаютъ. Расположенъ онъ въ котловинѣ, среди горъ, съ которыхъ всѣ атмосферическіе осадки стекаютъ сюда; образуется цѣлое болото грязи.

Сидѣть здѣсь намъ надоѣло, мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда поѣздъ двинется впередъ. Только на третій день праздника пасхи, въ 5 час. утра мы поѣхали дальше, всѣ были рады и очень довольны.

31 марта. Путь отъ Дашичау до Цзинь-джоу (180 верстъ) проходилъ среди высокихъ каменистыхъ горъ. На разстояніи отъ Дашичоу до станціи Ванзелинъ дождемъ были разрушены четыре моста и насыпь длиною саженой 50. Мосты были сорваны, и желѣзныя клѣтки моста были отброшены на нѣсколько сажень въ сторону.— Съ каждымъ часомъ мы приближались къ мѣсту военныхъ дѣйствій, но объ этомъ не было никакихъ видимыхъ напоминаній; охраненій по обѣ стороны полотна желѣзной дороги не видать, а по склонамъ горъ китайцы спокойно копаютъ землю лопатами или своими допотопными плугами. Готовятъ землю для посѣва гаоляна, который извѣстенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи подъ именемъ «китайскаго проса». Я видѣлъ въ Малороссіи небольшіе посѣвы этого гаоляна, имъ обсеиваютъ края баштановъ или бакчей, а когда созрѣваетъ, изъ него готовятъ прекрасные вѣники и метлы.— На станціи Цзинь-джоу я не вышелъ, а проѣхалъ дальше до станціи Тафаншэнь, такъ какъ полкъ, въ который я назначенъ, вышелъ изъ города и перешелъ на Цзиньджоускую позицію, а эта позиція была въ 1½ версты отъ слѣдующей станціи. Было около 8 час. вечера, когда я вышелъ изъ вагона и простился съ своими спутниками, продолжавшими путь до Портъ-Артура. За переноску вещей на позицію китайцы запросили очень дорого, а потому я рѣшилъ вещи пока оставить на вокзалѣ, а самъ взялъ въ провозытые стрѣлка, бывшаго здѣсь, и пошелъ на гору, на позицію. Ночь были темная. Я ежеминутно спотыкался о камни, въ канавы, вспотѣлъ, утомился, наконецъ мы прошли искусственныя прегражденія и очутились у цѣлаго ряда бараконъ, изъ которыхъ кое-гдѣ свѣтились огни.

«Вотъ тутъ собираются офицеры», сказалъ мнѣ стрѣлокъ, указывая на

одинъ изъ бараконъ. Это было зданіе для общей столовой, время было ужина, почти все были въ сборѣ. Въ дорожномъ костюмѣ я зашелъ въ столовую, представился командиру полка Н. А. Третькову, а онъ уже представилъ всемъ офицерамъ, говоря, что съ открытіемъ штата «первый нашъ батюшка». Послѣ ужина мнѣ назначили помѣщеніе въ одномъ изъ сосѣднихъ съ столовой бараконъ. Здѣсь было два офицера, я былъ третій, а каморка по своему объему была не болѣе $1\frac{1}{2}$ кв. сажени; три койки, по срединѣ столикъ—вотъ и все помѣщеніе. Было одно окошечко, но оно было на уровнѣ высоты кровати, черезъ него можно было видѣть только сапоги часового, который ходилъ около патронныхъ двуколокъ. Не смотря на все неудобства, я заснулъ очень скоро.

1 апрѣля. На другой день я уже подробнѣе ознакомился съ полкомъ, позиціей и ея окрестностями. Позиція расположена на нѣсколькихъ высокихъ холмахъ, составляющихъ собою одну громадную гору. Въ этомъ мѣстѣ Квантунскаго полуострова полоса суши между морями самая узкая, не болѣе 3—4 версты. Съ восточной стороны Талиенванская, а съ запада Цзиньджоуткая бухта, въ срединѣ между ними гора, на которой и была устроена Цзиньджоуская позиція. По западному склону горы были расположены бараки для нижнихъ чиновъ, офицеровъ, канцелярія, кухня, а на вершинѣ горы—домикъ для командира полка, домикъ для офицеровъ артиллеристовъ, ниже—надъ ущельемъ—перевязочный пунктъ и квартира старшаго врача. Кругомъ поле, изрытое размоинами, не смотря на весну, безъ всякаго признака растительной жизни. Къ востоку отъ позиціи величаво стоялъ Самсонъ, эта самая высокая гора на Квантунскомъ полуостровѣ. — Хорошо на все это взглянуть мимоходомъ, но жить здѣсь и смотрѣть на всю эту величавую мертвечину ужасно тоскливо.

3 апрѣля. Послѣ долгаго путешествія мнѣ хотѣлось отслужить Божественную литургію и приготовить запасные Св. Дары. — Хотя въ этомъ полку по штату не было священника, не было церкви, но предмѣстникъ этого командира полка приобрѣлъ кое-какія церковныя принадлежности, которыя сохранились и по настоящее время. Было священническое облаченіе, богослужебныя книги, вмѣсто подсвѣчниковъ деревянныя тумбочки съ кружками для свѣчей, были даже ширмочки, которыя предназначались для отдѣленія мѣста подъ алтарь. Имѣя все это подъ руками, можно было позаботиться и объ устройствѣ временной церкви. Въ одномъ изъ бараконъ (№ 7), въ уголкѣ, очистили мѣсто отъ наръ, поставили ширмочки и такимъ образомъ отдѣлили это мѣсто для алтаря. Поставили столъ, облачили его, во

что Богъ послалъ, на стѣнѣ повѣсили полковую икону, словомъ приготовили мѣсто для Богослуженія, не было только самаго главнаго—св. антиминса. Гдѣ же взять? Съ собою не привезъ, ѣхать въ Харбинъ къ епископу Иннокентію—далеко, да и командиръ полка не соглашался меня отпустить, потому что предполагалась со стороны японцевъ операція, которая могла не дать мнѣ возможности вернуться обратно. Изъ разспросовъ я узналъ, что недалеко отъ позиціи были два полевыхъ госпиталя, въ одномъ изъ нихъ—священникъ изъ Иркутской епархи Г. Георгіевскій, въ другомъ іеромонахъ Николай, къ нимъ то я и рѣшилъ обратиться съ просьбою—брать изъ госпитальной временной церкви св. антиминсъ и хотъ изрѣдка на позиціи совершать литургію. Любезный о. Г. Георгіевскій согласился на мое предложеніе, чѣмъ, конечно, весьма обрадовалъ меня. Тотъ же день св. антиминсъ мною былъ доставленъ во вновь устроенную нашу временную церковь, и совершено первое всенощное бдѣніе. Объ этомъ было свое временно объявлено Цзинь-джоускому гарнизону.

4 апрѣля. Къ утру, не знаю откуда, стрѣлки притянули китайскій колоколь и повѣсили его на треножникѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ алтарь, они прикрѣпили деревянный крестъ. Къ 9 час. утра стали собираться стрѣлки въ полной боевой амуниці, ружья составляли въ козла противъ барака; при нихъ оставались только часовые, а всѣ остальные шли слушать Богослуженіе. Нашлись любители церковнаго пѣнія и даже регентъ штабсъ-капитанъ Шастинъ. Началось Богослуженіе. Достаточно было посмотреть на то, съ какимъ усердіемъ стрѣлки ставили свѣчи, съ какимъ умиленіемъ они, становясь на колѣна, молились Господу Богу, Царицѣ Небесной и Св. Угодникамъ,—чтобы сказать, какое великое значеніе для русскаго солдата имѣетъ Богослуженіе, общая молитва. Въ молитвѣ онъ обновлялся, получалъ новыя силы на предстоящій трудъ и опасности среди походной, боевой жизни. — Послѣ литургіи было сказано слово по случаю гибели адмирала Макарова и всѣхъ потонувшихъ съ нимъ защитниковъ нашей родины и Царя, а послѣ этого отслужилъ о нихъ панихиду.

Въ первый разъ отъ созданія міра на этихъ горахъ, окруженныхъ съ двухъ сторонъ моремъ, прозвучалъ колоколь, призывающій христіанъ на общую молитву, въ первый разъ здѣсь была совершена безкровная жертва за грѣхи всего міра. — Быть можетъ, со временемъ и здѣсь будетъ воздвигнуты православные храмы, но объ этомъ вѣдаетъ одинъ только Господь.

5 апрѣля. Утромъ вмѣстѣ съ капитаномъ Маккавеевымъ, который просилъ меня помолиться на могилѣ его умершаго сына, поѣхалъ въ городъ

Цзинь-джоу. Дорога пролегала черезъ позицію, затѣмъ спускалась внизъ къ сѣверу отъ позиціи, въ 2 версты, гдѣ на равнинѣ и былъ расположенъ городъ.

Какъ передавали китайцы, Цзинь-джоу былъ основанъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Когда то Квантунъ, это было давно, не принадлежалъ китайцамъ; въ тѣ времена жили здѣсь корейцы, которыхъ царство называлось Бо-хай. «Нашъ царь Танъ-ванъ (у него было много народу, которому негдѣ было жить) послѣ долгой и кровопролитной войны отнялъ у корейцевъ эту землю и основалъ городъ Цзинь-джоу».

Съ вѣшной стороны городъ представлялъ правильный квадратъ, обнесенный каменной стѣной въ четыре сажени высоты и такой же въ своемъ основаніи ширины. Внутри стѣны—двѣ главныхъ улицы, которыя, пересѣкаясь въ срединѣ, соединяють собою ворота, одна—восточныя и западныя, другая—южныя и сѣверныя. Какъ говорили мнѣ офицеры, Цзинь-джоу много напоминаетъ собою Пекинъ. Сѣверными воротами мы вышли изъ города и направились къ русско-китайской школѣ, вокругъ которой былъ прекрасный древесный питомникъ. Школа выстроена въ русскомъ стилѣ, раздѣлялась она на двѣ части; тамъ гдѣ учатся русскія дѣти, на стѣнахъ развѣшены портреты Государя Императора, адмирала Алексѣева, генералъ-адъютанта Куропаткина, много географическихъ и зоологическихъ картъ. Изъ школы мы прошли пѣшкомъ на православное кладбище, которое было у западной стѣны города; съ остальныхъ трехъ сторонъ оно обнесено деревянной рѣшеткой. Похоронено здѣсь только пять человекъ, трое дѣтей, одинъ стрѣлокъ и одинъ православный китаецъ переводчикъ, изрубленный въ куски хунхузами. Послѣ панихиды я заѣхалъ въ самый лучший магазинъ въ городѣ; нужно было кое-что купить, а главнымъ образомъ посмотреть, чтобы имѣть представленіе о китайскихъ магазинахъ. Среди другихъ онъ выдѣлялся своей величиной, своими окнами со стекломъ, а не бумагой, какъ у другихъ, но въ общемъ по грязи, неряшеству, по самому разнообразному товару напоминалъ мнѣ обыкновенную еврейскую лавочку западнаго края.

6 апрѣля. Особенныхъ новостей не было; начальникъ гарнизона сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ лишнія вещи были упакованы и готовы къ отправкѣ въ Артуръ. — Войска горѣли желаніемъ скорѣй встрѣтиться со врагомъ и помѣряться силами. Нѣкоторые офицеры говорили: «пожалуй, непріятель пойдетъ прямо на сѣверъ, и ты просидишь все время безъ дѣла и не увидишь японцевъ».

8 апреля. Не зная, гдѣ находится главный полевой священникъ, къ которому я хотѣлъ отправиться за св. антиминсомъ и нѣкоторыми церковными принадлежностями, рѣшилъ съѣздить въ Артуръ къ священнику гарнизонной церкви Глаголеву и отъ него узнать, а кстати и купить для церкви свѣчей. Взявъ удостовѣреніе отъ своей личности, безъ котораго нельзя было не вѣхатъ, не выхатъ изъ Артура, я отправился на станцію Тафаньшэнь, а оттуда на поѣздъ. Кругомъ однѣ горы; глядя на такую мѣстность, никому и въ голову не пришло бы заняться здѣсь земледѣліемъ, но китаецъ въ этомъ случаѣ составляетъ исключеніе. Чуть гдѣ на скатѣ горы есть свободное отъ большихъ камней мѣсто, онъ вскопаетъ его, удобрить и посѣетъ гаолянъ или чумизу. Глядя на такую работу, невольно является мысль, что если бы у насъ въ Россіи такъ старательно обрабатывали землю, то родилось бы хлѣба на столько, что достало бы и себѣ, и на продажу за границу. — Станція желѣзной дороги въ Артурѣ недалеко отъ бухты, она служитъ границей между старымъ и новымъ городомъ. Извозчиковъ около станціи не было, ихъ вообще было мало въ Артурѣ, пѣшкомъ идти — далеко, въ силу необходимости пришлось сѣсть на рикшу. Рикша небольшая двухколесная повозочка, которую везетъ китаецъ... Хотя я заплатилъ ему въ три раза дороже, но былъ собой недоволенъ. Тотъ же человѣкъ, тоже искра Божія въ немъ, а мы обращаемъ его въ какое то вьючное животное...

Вправо отъ желѣзной дороги (къ западу) дорога въ новый городъ, она пролегаетъ черезъ мостъ, по берегу бухты, а затѣмъ около горы, на которой заложено основаніе для православнаго собора. Кромѣ фундамента въ уровень земли, здѣсь пока ничего нѣтъ. Дальше пустое пространство, на которомъ, впрочемъ, обозначены границы для постройки дворца намѣстнику. Въ самой западной части города исключительно казенныя зданія — морской госпиталь, трехэтажное прекрасное зданіе для матросовъ, казармы (барачнаго типа) для стрѣлковъ, квартиры для офицеровъ и чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Изящныя зданія для штаба и для городской гостиницы, около которой большую площадь занимаетъ молодой городской садъ. Есть немало хорошихъ зданій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Въ общемъ же всюду неоконченность, груды камня, кирпича, дерева, городъ только строится. Старый городъ — смѣсь китайскаго съ русскимъ; улицы узенькія, кривыя, богатыхъ зданій почти нѣтъ, а если и встрѣчаются, то теряютъ свою красоту среди кучи клѣтушекъ. Ковшеобразная бухта мала и мелка; во время отлива, который бываетъ два раза въ сутки, дно западнаго бассейна совер-

шенно открывается. Выходъ на вѣшній рейдъ одинъ, да и тотъ сравнительно очень мелкій. — Окружающія горы безъ растительности; а потому во время вѣтра цѣлая облака пыли покрываютъ городъ, и во время дождя на улицахъ образуются слои песку и мелкихъ камней. Когда я былъ, надъ Артуромъ стоялъ густой туманъ, вся копоть отъ судовъ и мастерскихъ, увлажняясь сыростью, тонкимъ слоемъ ложилась надъ городомъ. Будетъ ли время, когда этотъ городъ представится въ лучшемъ видѣ, не знаю, но въ данное время онъ произвелъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Ночью Артуръ представляется еще въ худшемъ видѣ; фонари въ городѣ не зажигались, окна домовъ должны быть завѣшены темными, густыми шторами, чтобы свѣтъ не могъ проходить въ окна, иначе непріятель, какъ утверждали, по этимъ огнямъ могъ ориентироваться... — Черезъ два дня я выѣхалъ изъ Артура. Выѣздъ былъ обставленъ всякими формальностями: нужно было представить удостовѣреніе о личности, а на провозъ какой либо головной подушки и одѣяла обязательно требовалось разрѣшеніе коменданта крѣпости.

12 апрѣля. День моего личнаго праздника. Утромъ получилъ письмо отъ 6-го марта и двѣ телеграммы отъ 6-го и 11-го апрѣля. Послѣ полуторамѣсячной разлуки съ семьей пріятно было узнать, что и какъ дома. — Вечеромъ получилъ предписанія отправиться въ Ляоянъ къ главному полевому священнику.

13 апрѣля. Утромъ привелъ къ присягѣ членовъ полкового суда, свидетелей по дѣлу рядового В. о неисполненіи приказанія унтеръ-офицера и новыхъ чиновниковъ телеграфистовъ изъ полевой конторы, а затѣмъ отправился въ [путь].

15 апрѣля. Въ 4 часа вечера я былъ уже въ Ляоянѣ. На вокзалѣ я встрѣтился съ военнымъ слѣдователемъ Х-го, бывшимъ моимъ спутникомъ отъ Самары до Харбина, который пригласилъ меня къ себѣ на ночлегъ. Очистившись отъ дорожной пыли, я отправился къ протоіерею С. Голубеву. Любезно встрѣтивъ и поговоривъ со мною, онъ направилъ меня къ начальнику всенныхъ сообщеній заpastись свидѣтельствомъ на перевозъ большею скоростью 12 пуд. церковныхъ вещей. Полковникъ заявилъ, что онъ уже далъ предписаніе коменданту; «обратитесь къ нему, онъ это устроить сегодня же». Комендантъ станцій капитанъ К-ій, къ которому я обратился съ просьбой, даже не обратилъ вниманія и удалился въ свою канцелярію. Я послѣдовалъ за нимъ и снова сталъ просить, на что онъ грубовато отвѣтилъ: «когда представится возможность, тогда пойдетъ и вашъ грузъ». — Если

нельзя, я и не требую, но я все таки хочу знать приблизительно время, когда возможно будет погрузить эти вещи; при мнѣ человекъ нѣтъ, а сидѣть самому по цѣлымъ суткамъ на станціи и справляться, съ какимъ поѣздомъ возможно будетъ отправить, мнѣ бы не хотѣлось. Доводы мои ни къ чему не привели, я ровно ничего не узналъ. Доложилъ главному полевому священнику, который далъ свою визитную карточку и просилъ передать ее коменданту станцій. Взявши карточку, онъ замѣялся и сказалъ: «все это напрасно, меня это ничуть не обязываетъ». Такое поведеніе капитана К. меня возмутило; я заявилъ, что пойду снова къ начальнику военныхъ сообщеній, и пошелъ. Онъ догналъ меня и просилъ оставить мое намѣреніе, обѣщаясь отправить вещи съ первымъ поѣздомъ. Поѣздовъ прошло много, а я все таки просидѣлъ сутки, пока погрузили два ящика съ церковными вещами. Вечеромъ того же числа я узналъ, что съ 13 на 14-е охотничья команда 22-го полка понесла ужасныя потери. Непріятель началъ высадку въ Бидзево.

15 апрѣля. За свое пребываніе я успѣлъ осмотрѣть Ляоянь. Онъ раздѣляется на двѣ части—*русскій-казенный* вблизи желѣзной дороги, состоявшій изъ сѣрыхъ однообразныхъ домиковъ, разбросанныхъ по всей площади,— и *китайскій*, который отъ станціи желѣзной дороги дальше.— За отсутствіемъ извозчиковъ я взялъ рикши и отправился въ городъ купить сѣдла для себя и нѣкоторыхъ офицеровъ своего полка, и лимонной кислоты для полкового лазарета. Кругомъ города высокія стѣны, отъ времени давшія трещины. Черезъ ворота выѣхалъ на длинную, узкую улицу, которая русскими названа николаевскою. Китайцевъ, какъ сельдей въ бочкѣ, сегодня у нихъ базаръ. Рикши едва пробивались. Я отказался отъ своего намѣренія объѣхать весь городъ и осмотрѣть подробно. Проходивши около часу по лавкамъ и не добившись своей цѣли, я рѣшилъ вернуться обратно; сѣделъ русскихъ не было, а китайскихъ можно было купить и въ Цзиньджоу. На пути зашелъ въ аптеку, гдѣ думалъ купить лимонной кислоты, но не нашель.— Аптеки здѣсь открываютъ всѣ, кто можетъ и желаетъ, особыхъ налоговъ съ нихъ не взыскиваютъ, онѣ тѣ же лавки, какъ лавки съ рисомъ, солью и тому подобныя, и платятъ такой же грошевый налогъ. Лекарства продаютъ безъ рецептовъ, какъ всякій товаръ въ другихъ лавкахъ, но за то и грязь, такъ сродная китайцу грязь.— На станціи видѣлъ иностранныхъ агентовъ и корресподентовъ, ихъ было 18 человекъ. По словамъ нашихъ офицеровъ, весь этотъ отрядъ иностранцевъ 19-го апрѣля собирается выѣхать въ Айсазандъ, на 19 вр. южнѣе Ляояна, посмотрѣть

на эту позицію, которую всё называли классическою и возлагали на нее большія надежды, если бы непріятель вздумалъ наступать на Ляоянъ по полотноу желѣзной дороги. Въ ожиданіи поѣзда я нѣсколько отошелъ отъ станціи, мнѣ хотѣлось посмотрѣть складъ запасовъ: ихъ было маловато, да и сложены они были нехозяйственнымъ образомъ.—Изъ Ляояна выѣхалъ вечеромъ.

18 апрѣля. Въ первый разъ на св. антиминсѣ, выданномъ для моей церкви, я совершилъ литургію и при этомъ сказалъ краткое слово о новой паствѣ, содержаніе котораго приблизительно слѣдующе: — «первая и главная обязанность пастырей всюду и вездѣ проповѣдывать слово мира и любви. Только тамъ, гдѣ миръ и любовь, всякое дѣло совершается скорѣй и съ большею пользою для общаго дѣла. Привѣтствуя васъ, я въ тоже время прошу, примите и меня въ вашу среду безъ всякаго предубѣжденія, дружелюбно. Знайте, что непринужденно, а охотно я поступилъ сюда, оставивъ семью свою въ родной Руси. Поѣхалъ сюда, чтобы вмѣстѣ съ вами потрудиться для общаго дѣла, пережить вмѣстѣ съ вами всё невзгоды военно-походной жизни и помочь вамъ, чѣмъ только могу. Ваши добрыя отношенія дадутъ мнѣ силы, энергіи, поддержать меня, чтобы и я въ свое время могъ поддержать вашъ духъ».—День прошелъ мирнымъ порядкомъ. Вечеромъ получились печальныя вѣсти. Черезъ Ялу переправилось 35 тысячъ японцевъ. Большія потери понесли 11-го и 12-го Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки. Много говорили о подвигѣ священника о. С. Шербаковского.

21 апрѣля. Получились донесенія, что японцы около Бидзево высаживаются въ трехъ мѣстахъ. Путь держатъ по направленію къ желѣзной дороги (къ западу отъ мѣста высадки); видимо, намѣреваются отрѣзать намъ сообщеніе съ Аверомъ. Семѣ послалъ телеграмму, чтобы она не волновалась, если не получитъ скоро обо мнѣ извѣстій. Просилъ не скорбѣть и молиться.

22 апрѣля. До настоящаго времени (22 апрѣля) я жилъ въ баракѣ, въ маленькой комнатѣ, съ двумя офицерами—подпоручикомъ Лоборевымъ и капитаномъ Фофановымъ. Тѣснота ужасная, воздухъ тяжелый. Какъ на грѣхъ, въ нашъ уголокъ, по какой то особой симпатіи, заходили офицеры со всего барака. Чаепитіе, разговоры съ самаго ранняго утра до поздней ночи. Я не имѣлъ возможности ни записать что либо въ дневникъ, ни заняться проявленіемъ фотографическихъ снимковъ, ни даже написать письма роднымъ и знакомымъ. Я сталъ хлопотать у командира полка объ отдѣль-

номъ видя меня помещеніи, но такъ какъ свободныхъ мѣстъ въ баракахъ не было, то пришлось поселиться въ палаткѣ, хотя погода была очень прохладная и сырая, особенно ночью. Когда былъ устроенъ мой шатерь и перенесены туда мои несложные пожитки, я почувствовалъ, что я вольный, свободный хозяинъ своего уголка, но эта свобода обошлась мнѣ очень дорого. Первую ночь дулъ съ моря сильный, сѣверный вѣтеръ; я, хотя и не раздѣвался и укрывался, но продрогъ и заподучилъ лихорадку, отъ которой не скоро отдѣлался. При вѣтрѣ, въ палатку проникала пыль, все — одежда, чай, сахаръ — окрашивалось сѣро-краснымъ цвѣтомъ. Дѣлать нечего, приходилось мириться съ обстоятельствами. — Подъ вечеръ на сѣверъ прослѣдовали адмиралъ Алексѣевъ и великій князь Борисъ Владиміровичъ. Не знаю почему, но обстоятельство это произвело непріятное впечатлѣніе на войска.

23 апрѣля. Праздникъ, царскій день. Предполагалось послѣ литургіи подняться на самый верхъ позиціи и тамъ отслужить молебенъ, а послѣ произвести смотръ всему гарнизону, но получались тревожныя вѣсти о передвиженіи непріятеля, и потому все это было отмѣнено; за Богослуженіемъ было только нѣсколько человѣкъ изъ нестроевой команды. Послѣ обѣда написалъ семьѣ письмо, сдалъ въ контору, но ему не суждено было попасть въ Россію; непріятель подошелъ къ полотну желѣзной дороги, взорвалъ станцію Полунынь, полотно желѣзной дороги и испортилъ телеграфъ. Мы отрѣзаны, началась осада; заключеніе наше кончится только тогда, когда армія генералъ-лейтенанта Куропаткина одержитъ побѣду и проложитъ путь къ Артуру.

24 апрѣля. Около полудня было получено донесеніе, что непріятель появился въ 20-ти верстахъ отъ позиціи. Приказано было стрѣлкамъ занять окопы, а артиллеристамъ быть на батареяхъ, которыхъ было 15. Выстроили хоръ трубачей, вынесли знамя изъ квартиры командира полка и всѣ потянулись вверхъ — на позицію. Нужно было и мнѣ подвигаться туда: возложилъ на себя крестъ, дароносицу съ запасными св. Дарами, а церковнику далъ узелокъ, въ которомъ были завязаны епитрахиль и требникъ; вмѣстѣ съ нимъ пошелъ за всѣми. День закончился пока мирно.

25 апрѣля. Богослуженіе совершилъ своимъ чередомъ, въ церкви было на счетъ 9 человѣкъ, всѣ сидѣли въ траншеяхъ. — Мною получено приказаніе — самыя необходимыя церковныя вещи сложить въ сундукъ и пристроить въ двуколку вмѣстѣ съ денежнымъ ящикомъ, а все остальное сложить въ ящики и отправить въ Артуръ. Весь обозъ отошелъ на станцію Тафаньшань,

туда же свезли жизненные продукты. Чемоданъ со своими личными вещами сложилъ въ двуколку, гдѣ помѣщались вещи казначея и дѣлопроизводителя. Имѣлось въ виду, въ случаѣ наступленія большихъ силъ непріятеля, отступить къ Артуру и ожидать дальнѣйшихъ событій. — Новыхъ донесеній о передвиженіи непріятеля за этотъ день не получалось.

26 апрѣля. Рано утромъ изъ деревни Саншелепу привезли трехъ раненыхъ стрѣлковъ, которые были въ разъѣздѣ и попались на обманъ японцевъ. Объ этомъ рассказалъ стрѣлокъ 16-го полка, Романовъ, который былъ доставленъ на перевязочный пунктъ только передъ вечеромъ.

«Нашъ разъѣздъ, состоявшій изъ 6 человѣкъ», такъ передавалъ Романовъ, «выѣхалъ изъ деревни Саншелепу къ востоку поразузнать о передовыхъ отрядахъ японцевъ, которые высадились южнѣ Бидзиво. По обѣимъ сторонамъ дороги, вдали, въ разныхъ мѣстахъ замѣтивъ нѣсколько человѣкъ, мы предполагали, что это маньчюки (китайцы) копаются на своихъ поляхъ, одѣяніе китайское, а посмотрѣвъ въ лице имъ не догадались, за это и наказаны. Проѣхали дальше, а китайцы трахъ... трахъ; оказалось, что это японцы, переодѣтые въ китайскіе костюмы... Одинъ былъ убитъ, подъ мною была убита лошадь, а самъ раненъ въ плечо, ногу, зубы въ нижней челюсти были выбиты. Я упалъ, а остальные ускакали. Чтобы не быть убитымъ японцами, я притворился мертвымъ. Они подошли, взяли оружіе, сняли шинель, сапоги, а затѣмъ, какъ мертваго, опустили въ канаву. Все ничего, да жаль мнѣ «Георгія» (знакъ отличія военнаго ордена), который былъ у меня и лежалъ въ кошелкѣ. Вечеромъ, не смотря на всѣ мученія и страшную потерю крови, я ползкомъ добрался до полотна желѣзной дороги. Къ моему счастью меня нашли охотники 5-го полка и доставили сюда».

Убитаго стрѣлка въ послѣдствіи тоже нашли, но безъ головы, совершенно раздѣтаго. Это, какъ предполагаютъ, уже дѣло рукъ хунхузовъ.

29 апрѣля. Рано утромъ, еще лежа въ постели, я слышалъ орудійные выстрѣлы, но предполагалъ, что это продолжаются взрывы въ городѣ Дальнемъ. Одѣлся, вышелъ изъ палатки посмотрѣть. Оказалось, непріятель подошелъ къ бухтѣ Кэръ и сталъ обстрѣливать берегъ. На горизонтѣ моря видны были крейсирующія суда, часть ихъ была скрыта горою Самсонъ. Два снаряда бросили по направленію къ нашей позиціи, но они не долетѣли верстъ 3—4; осколкомъ одного былъ раненъ китаецъ. Въ самой бухтѣ

среди стрѣлковъ несчастій не было, кромѣ полного разрушенія фанзы, въ которой былъ складъ съѣстныхъ припасовъ. Къ вечеру японскія суда отошли и скрылись за горизонтомъ.

30 апреля. Вернулся 3-й баталіонъ нашего полка отъ деревни Саншелепу, тамъ остались только охотничьи команды 5-го, 14-го и 16-го полковъ. Баталіоны 13-го и 14-го полковъ, по приказанію генераль-маіора Фока, отошли южнѣе на станціи Наньгалинъ, въ 19 верстъ отъ Цзинь-джоу; на позиціи остался одинъ 5-й полкъ. — Большихъ боевъ не было, особеннаго дурного ничто не предвѣщало, а среди нашего начальства явилась неувѣренность, мрачное настроеніе; стали поговаривать уже о томъ, во сколько времени можно будетъ снять пушки и отправить ихъ дальше на югъ; ихъ было 49 и къ нимъ три тысячи снарядовъ. Словомъ, изъ разговоровъ нашихъ начальниковъ становилась понятно, что Цзинь-джоуской позиціи мы не удержимъ и отступимъ къ Артуру.

(Продолженіе вперед).

